

Сергей Никитин: Лучше всего работалось в подвале с химиками

Веч. клуб - 1997 - 496к - 67

Наш долгий и немного сумбурный (как все долгие беседы) разговор с **Сергеем Никитиным** происходил у него дома, куда я "напросился", воспользовавшись давним, почти тридцатипятилетним знакомством с хозяином, начавшимся еще в те времена, когда **Сергей** был первокурсником физфака Московского университета, а я в тех же стенах альма-матер готовился к тому, чтобы стать геологом.

— Сержа, если бы в 1962 году мне кто-нибудь сказал, что пройдет три с лишним десятка лет и я (журналист, а не геолог) приду брать интервью не у крупного физика, а у заслуженного деятеля искусств России, автора множества песен **Сергея Яковлевича Никитина**, я бы, наверное, только рассмеялся.

— Да, жизнь — интересная штука...

— Когда-то авторская песня была почти синонимом диссидентства. Галича выгнали из страны, Ким вынужден был работать под псевдонимом, Окуджаву и Высоцкого поливали грязью или замалчивали. На этом фоне **Никитин** был (или во всяком случае казался) человеком вполне благополучным.

— Мне очень лестно, что ты в такой ряд меня ставишь. Но те, кого ты назвал, — это действительно мэтры, властители дум. В первую очередь Окуджаву. На самом деле у него не было напрямую какого-то протеста, он писал о самых обыкновенных "вечных" вещах. Но сам фактом человеческого разговора противопоставлял себя советской власти и всю малину им нарушал.

Я же всегда писал песни на стихи хорошо известных поэтов, чаще всего используя опубликованные вещи. Но все равно были столкновения с начальством. Первое случилось, когда Петр Фоменко поставил в ДК МГУ на Ленинских горах спектакль о Михаиле Светлове. Там прозвучала "Гренада" Берковского, я какие-то песни сочинил — про "Слепцов", "Ведьмы". Но это все оказалось по тем временам достаточно остро, и в парткоме, в комитете комсомола университета были большие споры: нужен этот спектакль — не нужен? Был еще один курьезный случай. Я спел по радио Шекспира, 66-й сонет: "Зову я смерть, мне видеть нестерпим достоинство, что просит подаянье..." А потом пенсионеры какие-то написали, что по советскому радио передают диссидента Галича!

— Так что "политики" в творчестве **Сергея Никитина** в общем-то и не было?

— Да знаешь... Я как-то встал на такую позицию — и довольно рано, — что не надо отключаться на сегодняшний день, потому что завтра, а послезавтра уж точно, это никому не будет нужно. Но если ты берешь песни классики — я банальности говорю, — она может в любой день прозвучать очень и очень остро. А меня в основном волнуют личные переживания, лирика.

— И все же кем бы мы ни были в жизни, какие бы песни ни пели, у каждого существуют какие-то политические симпатии и антипатии. Есть политики, которым ты симпатизируешь?

— Я Егору Гайдару симпатизирую. Причем это объясняется не какими-то особыми политическими позициями, а просто ощущением того, что этот человек способен убеждать от соблазна. У нас было уже столько разочарований, когда мы вроде бы полностью разделяли взгляды того или иного деятеля, а потом оказывалось, что он

ловко пользуется своей приближенностью к "возможностям". Для меня лично это перечеркивает в человеке все. — Завязываем с политикой и политиками. Вернемся к более приличной стороне жизни. Все отлично помнят твой квартет, квинтет, любят дуэт супругов **Никитиных**. А совсем недавно мы стали свидетелями феноменального явления — дуэта **Никитина** и **Башмета**. Какое сочетание на сцене для тебя более естественно?

— А зачем так ставить вопрос? Оно — и так и так! Когда мы выходим на сцену вдвоем с Татьяной, это совсем другое кино, чем когда я один. Она несет с собой какой-то свет... Я, знаешь ли, немножко интроверт, а Татьяна — наоборот, она очень обращена к людям, к зрителям. И это ее свойство мне очень помогает. Я даже не даю себе труда каждую секунду общаться со зрителем. Я это делаю через нее. А потом у нас же не дуэт баянистов. У нас каждый немного по отдельности: своя мелодия, своя нота, своя интонация. А в общем, это две сливающиеся в песне личности, у которых есть не только что-то объединяющее, но и всякие противоречия. Это довольно сложный спектакль. Мы даже о программе иногда спорим прямо на сцене. Ведь заранее ее определить трудно, я во всяком случае этого никогда не делал. Иногда в середине концерта мне кажется, что нужно идти в одну сторону, а Татьяне — что в другую. И она часто бывает права. У нее очень развита интуиция: что уместно, а что неуместно. И чувство меры у нее более острое, чем у меня.

— А твои старые товарищи по квартету, квинтету? О них ты что-то знаешь?

— Квартет — это Смирнов, Монахов, Геллер. На смену Монахову чуть позднее пришел Хаит. Сержа Смирнов работает сейчас в Курчатовском институте. Он давно научился сам играть на семиструнной гитаре, сочиняет песни, его достаточно хорошо знают любители нашего жанра. Леша Монахов преподавал физику. Боря Геллер и Вадим Хаит уже довольно давно граждане США, работают там по специальности. Что касается квинтета, то Кармен Сантакреу и Владимир Улин живут в Испании, и мы шутим, что Володя по-прежнему в МГУ работает — Мадридском государственном университете. Коля Туркин — физик и работает в Троицке.

— К вопросу "физиков" и "лириков". Ты ведь достаточно долго совмещал эти ипостаси?

— Да, только в 1987-м я оставил науку. Хотя и раньше у меня были на этот счет поползновения, но в советские времена чуть побаивался. Все-таки как физик я получал хоть и маленькую, но постоянную зарплату, имел какой-то статус, работал в академическом институте, стал кандидатом физматнаук. Это все тогда звучало. И было страшно вато уйти в "никуда". Тем более без бумажек о музыкальном образовании. Эта самая бумажка тогда многое значила. У меня всегда были проблемы, когда какой-нибудь режиссер приглашал

поработать в кино. Меньшов и Фоменко вынуждены были писать объяснительные записки, оправдываясь, почему это они вдруг берут такого автора, не члена Союза композиторов СССР. А десять лет назад я вдруг понял, что нужно выбирать. Кандидатская была за плечами (Татьяна защитилась еще раньше). И если бы я остался в науке, то нужно было набирать свою группу, принимать на себя ответственность за дело, за судьбу людей. А потом становилось все более ясно: если хочешь быть физиком, то нужно уезжать куда-то на Запад, думать о контракте. 80 процентов моих коллег сидят по разным Америкам, Германиям, Израилям. Причем, большинство все не хочет там жить, просто они вынуждены это делать, потому что наука для них главное в жизни. А наше дорогое Отечество... оно просто выпихивает людей.

— Не жалеешь, что ты уже не физик?

— У меня в свое время было довольно сильное научное любопытство. Тем более что я работал в группе Армена Сарвазяна, который образовал новое направление в биофизике — ультразвуковые измерения в растворах биомacroмолекул. Там все было впервые. Но для меня, очевидно, главным была не наука, а среда человеческая, мои великолепные коллеги. Я работал в Институте органической химии, где Саша Дулов и сегодня работает, доктор химических наук. И каждую свободную минуту я отправлялся к ним в подвал — там собиралось такое замечательное общество! Я приносил туда каждый вариант песни. В этом самом подвале была не только химическая, но и настоящая творческая лаборатория.

— Сейчас, когда ты "свободный художник", работать стало легче?

— Назваться "свободным художником" — это палка о двух концах. Вроде бы ничего тебя не сдерживает — только пиши! Но во времена занятий физикой одно как бы подталкивало другое. Семь лет моей работы в Пушино-на-Оке самый интенсивный период в моем сочинительстве: сколько песен в то время было написано! А сейчас приходится иногда искать какие-то стимулирующие моменты.

— И получается?

— Более-менее. Ведь что такое творческий стимул? У меня есть цикл песен на стихи Шпаликова. А когда сейчас стал компоновать их для диска, почувствовал, что интонационно чего-то не хватает, что нужно еще несколько песен написать, тогда альбом будет цельным. А есть и просто заказные работы. Тут уж хочешь не хочешь, а пиши, раз ты профессионал. Вот так мы с Сухаревым писали "А чой-то ты во фраке?".

— А что еще стимулирует к творческой жизни **Сергея Никитина**?

— Общение с детьми. У меня есть такой клуб — он называется "Никитинские встречи"; ему седьмой год, первые слушатели уже выросли. Каждый третий вторник мы собираемся в бывшем Двор-

це пионеров. Я там хозяин, ведущий; приглашаю своих друзей — писателей, поэтов, композиторов. Даже Городницкий побывал, хотя у него нет ни одной детской песни. Но ребятам было интересно услышать от него про Атлантиду. А "Все перекаты да перекаты" — это нормальная детская песня.

— Два слова о семье. О жене все знают. "Она звалась Татьяна..." А младшее поколение?

— У нас один сын, Саша.

— Сколько ему?

— В январе будет 27.

— Большой мальчик. И чем он занимается?

— Живет в США, учился там в университете, а сейчас в аспирантуре в Стенфордском университете по специальности "Сравнительное литературоведение": английская, американская, французская и русская литература. Уже год как женат. Но внуков я пока не дождался.

— Жена у него американка?

— Да, они вместе учились. Она тоже гуманитарий, но у нее уклон немножечко в политологию.

— Москва всегда слухами полнилась. Вот и сейчас, когда Татьяна Никитина делит свое время между Россией и Италией, это вызывает некоторые недоуменные вопросы...

— Да, сегодня Татьяна Москву и Италию делит примерно поровну. Многие помнят, что после начала перестройки она работала сначала в райисполкоме, потом в Центральном округе, потом в Министерстве культуры. Это было тяжелое время в нашем доме: она приходила домой не раньше девяти вечера, а потом все продолжалось до часу ночи — звонки, разговоры о работе... Ее считали смелой, а на самом деле многие вещи она делала просто потому, что не знала, как это полагается делать в чиновничьем мире. Не знала, например, что не принято решать что-то сразу, без проволочек. И решала все вопросы так, как считала нужным и справедливым. Это, разумеется, далеко не всем нравилось. В общем, вымоталась она изрядно. А тут несколько лет назад друзья предложили ей поучаствовать в организации выставочного бизнеса в Италии, в Европе. Вот с тех пор она и живет на "два дома". А Москву приезжает на все наши записи, концерты, недавно была две недели дома в связи с организацией вечера памяти Окуджавы. Было еще 70-летие Эльдара Рязанова — не мог же я один его поздравлять. Он нас иначе как вместе не воспринимает.

— Есть такая заштампованная формулировка: ваши творческие планы? Одним словом, чем будет заниматься **Сергей Никитин** (один или с Татьяной) в ближайшее время?

— Очень хочется закончить нашу с Дмитрием Сухаревым "Скрипку Ротшильда". Работа тянется уже несколько лет, и сейчас мы, кажется, подошли к той стадии, когда соавторам просто надо на недельку спрятаться куда-нибудь на дачу, в деревню, в глушь и все завершить.

Встречался
Юрий ГУЛЛЕР.

ФОТО ЮРИЯ БАНДИКОВА